

Атмосфера внезапно сменилась с неловкой на странную.

Фан Чжо выпрямился, почувствовав, что был слишком прямолинеен, и решил сменить тему на более серьезную:

— Какая у тебя мечта?

Чжоу Цу молчал.

— Никакой, — наконец ответил он.

Фан Чжо не поверил своим ушам:

— Ты не хочешь побороться с Чжоу Чэном за наследство? Не хочешь стать последним учеником Чжоу Хэняня? Не хочешь взять под контроль весь род Чжоу и возвыситься над остальными?

— Ты хочешь, чтобы я стал таким человеком? — Чжоу Цу положил подбородок на плечо Фан Чжо и повернул голову, глядя на него.

У молодого человека были мягкие линии подбородка, длинные загнутые ресницы и уголки глаз, которые при улыбке изящно приподнимались, превращая глаза в полумесяцы. Когда он растягивал губы в улыбке, показывая ровные белые зубы, в этом не было ослепительной красоты, но на него было очень приятно смотреть.

Заметив, что Фан Чжо засмотрелся, Чжоу Цу крепче обхватил его:

— Отвечай.

Фан Чжо сам не понимал, что с ним происходит — слова Чжоу Цу выбили его из колеи. Лишь спустя долгое время он опомнился и пробормотал:

— Хочу, конечно. Когда ты будешь есть мясо, я буду допивать бульон следом.

Взгляд Чжоу Цу потемнел. Он уловил нотки неискренности в ответе и в качестве наказания прикусил мягкую мочку уха парня, слегка потирая ее зубами. Его голос, хриплый и тягучий, словно пропитанный медом, прозвучал совсем близко:

— Как пожелаешь.

Сердце Фан Чжо забилося в тревоге. Ему казалось, что ситуация развивается не в ту сторону, но он не мог понять, в чем именно ошибка. Впрочем, вскоре его мысли были сметены волной странных ощущений в теле. Пальцы Чжоу Цу, тонкие и сильные, с легкими мозолями, без труда пробуждали и брали под контроль его желания.

Фан Чжо отчаянно сопротивлялся:

— Я правда не могу, я, черт возьми, люблю женщин!

— Я гадал тебе по Ба-цзы. У тебя судьба бездетного одиночки, тебе суждено любить только мужчин.

— Второй молодой господин, тебе кто-нибудь говорил, что у тебя ядовитый язык?

— Только ты.

Тело парня было совсем неопытным, глаза подернулись влажной дымкой желания. Чжоу Цу, с мрачным выражением лица, впился в него взглядом. Его челюсти были сжаты до боли, мышцы напряглись от сдерживаемого порыва, на шее вздулись вены — он изо всех сил пытался удержать дикого зверя внутри себя.

Фан Чжо обычно не отличался сильными желаниями, но сейчас, когда его довели до половины, а партнер внезапно остановился, он почувствовал себя так, словно его бросили в яму с пухом — все внутри зудело от невыносимого желания, и ему даже хотелось схватить Чжоу Цу за руку и вернуть ее назад. К счастью, он сохранил остатки разума и вовремя одернул себя.

На Чжоу Цу по-прежнему была безупречно отглаженная рубашка и брюки, выражение лица оставалось холодным и сдержанным, и только в глазах, черных, как бездна, читалось все то же хищное желание.

Фан Чжо в панике, даже не застегнув ширинку, выскочил из комнаты. Забившись в угол холла на первом этаже, он дрожащими руками достал телефон. Только что — нет, даже сейчас! — его привели в состояние полной боевой готовности, и, что самое ужасное, ему чертовски понравилось, как руки Чжоу Цу касались его!

Как это вообще возможно? Неужели он тоже из тех отбросов, что думают нижней частью тела?

Эту ночь Фан Чжо провел не в спальне: он сидел на ковре в гостиной, прижимая к себе немецкую овчарку и глядя в одну точку. За окном бушевала гроза, молнии разрывали небо.

Когда первый луч солнца прорезал горизонт, Фан Чжо убрал голову с живота собаки. Тонкий плед, которым его кто-то укрыл, соскользнул на пол.

— Господин Сюй.

Позади раздался хриплый мужской голос. Фан Чжо так испугался, что утренняя реакция организма мгновенно исчезла. Перед ним стоял телохранитель с лицом цвета пережаренного угля и протягивал спутниковый телефон:

— Старший господин хочет с вами поговорить.

Фан Чжо с сомнением взял трубку.

— Сегодня в восемь вечера пусть Чжоу Цу приедет в главный дом, — голос Чжо Чэна звучал скверно. — Пусть наденет что-нибудь приличное, чтобы не позорил меня.

Фан Чжо спросил:

— Вы же с Чжоу Цу не ладите, с чего такая перемена?

— Думаешь, я хочу с ним возиться?! — Чжо Чэн скрипнул зубами. — Старик на днях приказал всем молодым людям до двадцати лет явиться в главный дом к восьми вечера. И отдельно велел позвать Чжоу Цу.

— Погоди, ему под тридцать, он же старое мясо, зачем ему тусоваться с двадцатилетними свежими цветочками? — Фан Чжо даже представить себе не мог эту картину. — Это не слишком жестоко по отношению к Чжоу Цу?

Только он договорил, как заметил, что телохранитель отчаянно подмигивает ему, чуть не сводя веки судорогой. Фан Чжо перекосило, и он резко сменил тон:

— Впрочем, старое мясо — оно же самое питательное, чем дольше жуешь, тем вкуснее. Никогда не надоедает.

Чжоу Цу подошел ближе и с полуулыбкой спросил:

— Любишь старое мясо?

Фан Чжо натянуто улыбнулся:

— Конечно.

— Никогда не надоедает?

— ...

— Ну?

— Конечно.

Чжоу Цу усмехнулся и слегка наклонился, поравнявшись с ним лицом. Фан Чжо отступил назад, но путь ему преградил мужчина:

— Тогда, может, я сам покормлю тебя лично?

От этих слов даже телохранитель, стоявший в стороне, покраснел так, что его черное лицо стало похоже на высокогорный закат. Он подумал: этот второй молодой господин с виду такой серьезный, а на деле такой развратник. Раньше, глядя на его болезненный вид, он думал, что тот немощен, а оказалось — он глубоко ошибался?

Телохранитель заикаясь произнес:

— Гос-господин Суй, я, я, я пойду. — Не договорив, он исчез в дверях.

Сердце Фан Чжо в груди металось, как испуганный заяц. Румянец со щек переполз на уши и дальше на шею. Он сглотнул и пробормотал:

— Вчера же уже ели мясо, может, сегодня не стоит? Много мяса вредно для пищеварения, может, перенесем на другой день? — Но стоило вспомнить ощущения от прикосновений мужчины, как внутри снова зазудело.

Чжоу Цу выпрямился и провел пальцем по его горячей щеке:

— На другой день? Хорошо, договорились.

Фан Чжо: «...» Ему все еще казалось, что что-то здесь не так.

Следующие несколько часов Фан Чжо сидел как на иголках, несколько раз порывался сбежать, но его ловили телохранители. К полудню, так и не дождавшись «основного блюда», он все же отведал мяса — самого что ни на есть настоящего, деревенского вяленого мяса.

Поскольку Чжоу Цу впервые сам попросил приготовить что-то конкретное, тетушка Чэнь была на седьмом небе от счастья: она приготовила вяленое мясо с бамбуковыми побегами, на пару, с рисом, а в конце еще и суп из вяленого мяса с зимней дыней.

Чжоу Цу кормил Фан Чжо с рук, пока тот не закатил глаза, а под конец, плача и умоляя о пощаде, Фан Чжо был вынужден признать свою вину, прежде чем его отпустили.

Главный дом семьи Чжоу располагался в пригороде. Чжоу Хэнянь сам выбрал это место, когда разбогател, и построил дом по своему вкусу. Здание выходило фасадом на юг, вокруг простирались широкие луга, перед домом извивалась белая дорога, а с северо-запада зеленели густые деревья. Даже человек, далекий от Фэн-шуй, не мог не оценить это место по достоинству.

Когда Фан Чжо и Чжоу Цу прибыли, у ворот уже стояло множество машин. Стать главой семьи

Чжоу означало не только возглавить мир эзотерики, но и оказаться в центре внимания всех влиятельных лиц. Это искушало куда сильнее, чем просто деньги или власть.

Фан Чжо посмотрел на разодетых молодых парней, проходивших мимо них, и похлопал Чжоу Цу по плечу:

— Хотя ты старше их на десять лет, в тебе чувствуется мудрость, которую этим юнцам не превзойти.

Чжоу Цу плотно сжал губы, его взгляд был холодным. Фан Чжо смутился, но мужчина крепко перехватил его руку, которую тот собирался убрать.

На глазах у всех эта новость разлетелась за десять минут: все, кто знал Чжоу Цу и кто не знал, узнали, что внебрачный брат Чжо Чэна сошелся с женщиной.

Чжоу Хэнянь всегда отбирал учеников с десяти лет. Но сейчас все было иначе: ему самому было под девяносто, жить оставалось недолго, и он был вынужден выбирать из тех, кого уже когда-то отверг, в надежде найти хоть кого-то стоящего.

Дворецкий почтительно постучал:

— Господин, все собрались.

Вилла была напичкана скрытыми камерами, линии от которых вели в кабинет. Чжоу Хэнянь наблюдал за мониторами, рассматривая каждого гостя. Без присмотра главы семьи люди перестали притворяться, не стесняясь в выражениях.

Издалека Фан Чжо слышал язвительные шепотки: «бастард», «источник бед», «старик тоже хочет урвать кусок». Речи были крайне неприятными.

«Мужчина в тридцать — в самом расцвете, и в плане сил, и в плане внешности он даст фору вам, двадцатилетним недоумкам!» — Фан Чжо злился, а вот Чжоу Цу сидел рядом, небрежно закинув ногу на ногу, и даже бровью не повел.

— Ты не злишься? — Фан Чжо с силой воткнул вилку в пирожное.

— Нет, — Чжоу Цу огляделся и постучал пальцами по колену. — В буддизме есть учение об аде: за злословие попадают в ад вырывания языков. В даосизме говорят о добродетели слова: те, кто не умеет следить за языком, теряют свою Ци-удачу.

Его голос, глубокий и властный, прозвучал отчетливо, так что окружающие услышали каждое слово. Что за ад, какая еще потеря удачи — это же прямое оскорбление! Но Чжоу Цу был прав, они действительно нарушили табу. Несколько человек хотели огрызнуться, но промолчали, едва не лопнув от ярости.

Нашелся один бесстрашный толстяк, который заявил:

— Ты прав, карма за слова существует. Иначе как бы мы зарабатывали столько денег? Чем сильнее я ругаюсь, тем больше получаю.

Фан Чжо: «...» Идиот, и к тому же живой.

Кто-то рядом дернул толстяка за рукав:

— Тише, ты забыл, зачем мы здесь?

— Плевать я хотел! Думаете, мне нужна эта должность? Я пришел поглазеть.

Толстяк вел себя нагло. Хотя его семья Чжан и была сторонней, сейчас они были опорой экономики семьи Чжоу. Они жили как маленькие царьки. Как они могли стерпеть выпад от какого-то бастарда?

— Толстяк Чжан, — вдруг окликнул кто-то.

Фан Чжо узнал этот голос — это был Чжо Чэн.

Чжо Чэн подошел к ним с недовольным видом, окинул Чжоу Цу взглядом и сказал толстяку:

— Мы так давно не виделись, не трать время на посторонних, пойдем сядем, поговорим.

Толстяк опешил:

— Ты чего? Раньше ты сам его больше всех проклинал.

На раздраженном лице Чжо Чэна мелькнуло едва заметное смущение:

— Меньше слов, пошли.

Фан Чжо, потирая подбородок, смотрел вслед Чжо Чэну. С самого утра, когда тот позвонил, он казался ему странным, а сейчас и вовсе было похоже, что он пытается их выгородить.

— Красивый? — Чжоу Цу придвинулся к нему, одной рукой упершись в сиденье между ног Фан Чжо, почти обнимая его.

Фан Чжо молча покачал головой:

— Ростом ниже тебя, лицом не такой красивый.

Чжоу Цу изогнул губы и ущипнул его за лицо:

— Язык у тебя подвешен хорошо.

— Ну так, стараюсь, — скромно кивнул Фан Чжо.

Взгляд его сфокусировался на мужчине средних лет в строгом костюме-тройке, идущем прямо к ним. Тот подошел к Чжоу Цу и слегка кивнул:

— Господин просит вас подняться.

Все взгляды устремились на них — изумление, растерянность, недоверие.

— Кто это?

— Ты не знаешь? Это тот самый брат-неудачник Чжо Чэна.

— Это тот больной? Зачем старик его позвал? Неужели приглядел?

— Невозможно. Говорят, у него Ба-цзы слишком тяжелая, он мать свою свел в могилу, теперь очередь отца. Старик не захочет связываться с такой кармой.

Чжоу Цу поднимался по лестнице под аккомпанемент сплетен. Дворецкий проводил его до дверей кабинета:

— Входите, господин ждет вас.

Старик в кабинете выглядел бодрым, с седыми волосами и румяным лицом. Увидев Чжоу Цу, он поднял голову и замер.

— Ты и есть Чжоу Цу? Младший сын Чжоу Сюйфэна?

— Да, это я.

Старик изо всех сил старался скрыть блеск в глазах:

— Называй меня дедушкой, как и Чжо Чэн.

— Хорошо, дедушка.

Отношение Чжоу Цу было равнодушным, что как раз и понравилось старику. Кто злобен, а кто чист душой — он видел с первого взгляда. Вернувшись из больницы, он навел справки об отце Чжоу и в тот же день схватил Дао Юаня. Узнав, что за спиной Чжоу Цу стоит кто-то могущественный, он мечтал встретиться с парнем. Но эта встреча превзошла все ожидания.

Ребенок обладал лицом человека с огромной удачей, не говоря уже о редкой духовной энергии, которую нечасто встретишь даже у практикующих даосов. В этот момент Чжоу Хэнянь забыл обо всех кандидатах, ждавших внизу, и в его голове созрел план.

— Скажи мне честно, ты ведь можешь что-то видеть?

Чжоу Цу не собирался скрывать правду, это был его козырь:

— Вы ведь уже догадались?

Старик больше не мог сдерживать восторг:

— Небеса помогают семье Чжоу! С таким талантом наш род будет процветать еще шестьдесят лет! Хорошо, очень хорошо!

Он взволнованно ходил по комнате, смеясь так, что лицо его покраснело. Даже такой холодный человек, как Чжоу Цу, забеспокоился, не подскочит ли у него давление. Спустя полчаса старик наконец успокоился и, пристально глядя на Чжоу Цу, сказал:

— Я хочу сделать тебя своим последним учеником. Согласен?

Чжоу Цу не ответил сразу:

— У меня есть условие.

Чжоу Хэнянь с интересом посмотрел на него: похоже, власть его не сильно привлекает. Редкость.

— Говори.

— Помогите мне спасти ему жизнь.

— Кому?

— Моему... — Чжоу Цу вдруг занервничал, — моему парню.

Чжоу Хэнянь: «...»

Голос старика дрогнул, словно он получил удар:

— Парню? Ты хочешь сказать, тот бледнолицый коротышка внизу?

— Да. — Чжоу Цу помрачнел, нахмурившись. — Я не вижу его Ци-удачу.

Не то чтобы он не мог разглядеть — ее просто не было. У любого живого человека, какой бы ни была его судьба, должна быть Ци. Если ее нет — значит, этот человек либо исчерпал жизненную силу, либо он мертв.

Фан Чжо сидел в углу, доедая арбуз, а затем принес целую тарелку клубники. Он откусил ягоду, и красный сок потек по пальцам.

Толстяк Чжан болтал с Чжо Чэном, наблюдая за этой сценой:

— Брат, если я не ошибаюсь, это тот самый паренек, что вечно увивался за тобой?

Чжо Чэн не хотел отвечать, но буркнул:

— Угу.

Толстяк прищурился:

— И как он? Вкусно?

— Не пробовал.

— Не пробовал?! — Толстяк был удивлен. Когда Чжо Чэн увел парня из клуба, все спорили, сколько раз за ночь тот его «оприходует».

Оказалось, ничего не было? Так не пойдет! Он поставил десять тысяч на то, что Чжо Чэн справится трижды за ночь! День расплаты настал! Но дело было не в деньгах — раз Чжо Чэн ничего не сделал, это невыгодно. А теперь, когда этот «утенок» принадлежит Чжоу Цу, ему захотелось сделать гадость.

Толстяк прищурил свои глазки-бусинки и подозвал помощника:

— Взял с собой «лекарство»?

— Взял, господин Чжан. На кого нацелились?

— На того паренька, что ест справа. Подмешайте ему сегодня.

Чжо Чэн витал в облаках и ничего не слышал, пока не увидел, как помощник подошел к Фан Чжо и, пока тот не видит, бросил белую таблетку в стакан с соком. Таблетка растворилась мгновенно. Фан Чжо, не заметив ничего странного, сделал большой глоток.

Чжо Чэн, увидев это, бросился к нему и выбил стакан из рук:

— Выплывай! Там было лекарство!

Лицо Фан Чжо мгновенно позеленело, и он рванул в туалет. Чжо Чэн, разъяренный, ткнул пальцем в сторону толстяка:

— Я с тобой позже разберусь.

Он вошел в туалет следом за Фан Чжо, прижал его к раковине и заставил вызвать рвоту. Фан Чжо сунул пальцы в горло, и вскоре его вырвало всем содержимым желудка. Запах был отвратительным. Чжо Чэн поморщился, желая отойти, но Фан Чжо вцепился в него:

— Не уходи, потом покажешь, кто это сделал.

Опустошив желудок и прополоскав рот, Фан Чжо потащил Чжо Чэна обратно.

В холле, где раньше царил шум, воцарилась тишина. Чжоу Цу стоял рядом с Чжоу Хэнянем на платформе в южной части зала. Он сразу заметил своего парня, который тащил за руку другого мужчину.

Ощущение чужого, хищного взгляда было настолько сильным, что Фан Чжо тут же отпустил руку Чжо Чэна.

Чжо Чэн, не понимая, в чем дело, растирал место, за которое его схватили:

— Чего дергаешься? Не смей своими грязными руками...

Он не успел договорить, как заметил, что Фан Чжо уже отошел от него на пять метров.

Чжо Чэн: «...»

Фан Чжо сделал невинное лицо.

Чжоу Хэнянь, закончив свою речь, объявил главную новость вечера: он решил взять Чжоу Цу в свои последние ученики и уже передал ему символ власти главы семьи.

В зале поднялся шум. Внебрачный сын, который и гроша ломаного не стоил — почему он?!

Чжоу Хэнянь прищурился:

— Если у кого-то есть возражения, прошу.

Но никто не посмел возразить в открытую. У Чжоу Хэняня была абсолютная власть. Однажды кто-то уже возразил против выбора преемника — на следующий день его машина попала в аварию, превратив голову в месиво. Было ли это совпадением или нет, но страх засел глубоко.

В холле воцарилась гробовая тишина. Никто не смел больше болтать лишнего — по крайней мере, пока старик жив, им придется соблюдать внешние приличия.

На обратном пути Фан Чжо чувствовал себя подавленно. Лицо Чжоу Цу было каменным, даже таксист боялся дышать.

Дома Чжоу Цу сразу ушел на второй этаж. Фан Чжо понимал, что тот бесится, но не хотел первым идти на контакт. Если бы Чжоу Цу прямо спросил, почему он был с Чжо Чэном, он бы объяснил, но этот человек решил показать характер!

Ха! У господина Фан Чжо тоже есть гордость!

Он достал телефон и начал жаловаться:

— Какой же он невыносимый, из-за такой мелочи устроил сцену.

233, который сегодня не играл, ответил быстро: «Он главный герой, ему все можно. Будь терпимее».

— А кто будет терпимее ко мне! — возмутился Фан Чжо. — Когда это закончится? Я уже на пределе, хочу все бросить!

<http://bllate.org/book/22167/2309243>